

ГОРЧАКОВ Н. Н. — в МПКК

ГОРЧАКОВ Николай Николаевич, родился в 1889. Кадровый офицер царской армии. После 1917 — помощник командира 2-го Московского кавалерийского полка. В ночь с 11 на 12 марта 1919 — арестован с группой офицеров в Тамбове как «активный участник белогвардейской организации в Москве». 28 апреля отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму.

В 1919 — по просьбе юридического отдела МПКК заполнил "Опросный лист", записав в графе "Особые замечания".

<Весна 1919>

«ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

В ночь с 11 на 12 марта с<его> г<ода> в занимаемой мною квартире в казармах 2-го Московского кавалерийского полка в гор<оде> Тамбове Особым отделом Тамбовской Губернской Чрезвычайной Комиссии был произведен тщательный обыск, после которого я, инструктора того же полка Дмитрий Васильевич Московцев, Сергей Яковлевич Инкин и Иван Евгеньевич Чуплетов были арестованы и препровождены в арестное помещение при Тамбовской Губ<ернской> Чека. При обыске ничего компрометирующего как меня и мою деятельность в полку, так и вышеупомянутых инструкторов, найдено не было. Взяты были только моя шашка, револьвер, записная книжка и кое-какая моя частная переписка (если не считать пропавших при обыске более 2000 руб<лей> казенных денег, моего золотого браслета и серебряного портсигара). Причина обыска мне тогда не была объявлена, точно также, как и причина нашего ареста, сопровождавшегося только угрозами расстрела в ту же ночь и руганью нас белогвардейцами, контрреволюционерами и т<ому> п<одобное>. Ни в Чрезвычайке, ни в арестном доме никакого обвинения нам тогда предъявлено тоже не было, точно также, как не было и допроса в продолжение месяца после нашего ареста, по истечении которого нас впервые вызвали к допросу, на котором я с удивлением узнал, что обвиняюсь в "активном участии в белогвардейской организации в Москве". На мой вопрос: в какой же организации инкриминируется мне участие — ответа не последовало (допрашивал меня молодой человек лет 17-18), на вопрос же: в чем выражается активность участия — мне было сообщено, что я склонялся принять участие в этой организации командира 1-го эскадрона, коммуниста Цемячевского. Надо сказать, что этот Цемячевский, бывший офицер военного времени, записавшийся в партию исключительно из личных корыстных целей, к своим скромным обязанностям по службе относился весьма небрежно, занимал все свое время, как председатель культурно-просветительской комиссии, в разъездах по делам спектаклей и репетиций, а не конюшнями, людьми и лошадьми вверенного ему эскадрона, за что и получал от меня замечания по службе. Кроме того, я весьма отрицательно отнесся к его поступлению в партию, т<ак> к<ак> видел и знал, что им руководит в этом только один шкурный интерес. Допросы велись с явной целью найти что-либо предосудительное в политическом отношении в моем поведении, и все, клонящееся к освещению дела, как-то показания свидетелей, что у меня с Цемячевским были личные счета, и другие не протоколировались допрашивающими, что и затемнило дело. 4-го апреля состоялось постановление Коллегии Тамбовской Губ<ернской> Чека об освобождении Инкина и Чуплетова, а дело обо мне, Московцеве и арестованном впоследствии в связи с нашим делом Гапановиче, не освобождая нас из-под стражи, передать в Тамбовский Трибунал. 23-го апреля нас перевели из арестного помещения Губ<ернской> Чека в тамбовскую тюрьму, откуда

28 апреля, по телеграмме заведующего Особым отделом ВЧК Кедрова и военкома дивизии Жукова, нас вывезли в Москву, куда мы прибыли 29-го вечером и были препровождены в Особый отдел ВЧК. Там мы переночевали и без всякого допроса на следующий день были отправлены в Бутырскую тюрьму, где благополучно и пребываем до сих пор. В тюрьме также до сего времени никакого допроса нам не было. Таким образом, без всякой вины с нашей стороны и на основании только одного оговора без пяти минут коммуниста Цемячевского (кстати сказать, записавшегося в партию за месяц с небольшим до нашего ареста), сводящего со мною личные счеты на почве служебных отношений, нас держат в заключении вот скоро уже три месяца, причем, около 2-х месяцев в Тамбовской Губ<ернской> Чека, в убийственных условиях как физических, так и моральных. Достаточно сказать, что за время нашего там пребывания там же на дворе под нашими окнами чуть ли не на наших глазах было расстреляно более 40 человек, причем, комендант поминутно грозил этим и нам. В настоящее время здоровье мое, благодаря полученным на фронте пяти ранениям, окончательно подорвано. А главное, сильно мучает положение семьи, за эти три месяца я не получил ни копейки содержания, а семья моя существует только на получаемое мною жалование. А вдобавок к этому жене моей, при существующей безумной дороговизне, приходится теперь и меня кормить в тюрьме <...> Я прошу ходатайства Вашего об освобождении нас хотя бы на поруки для того, чтобы я имел возможность отправиться, по истечении некоторого времени для поправления расшатанного в тюрьмах здоровья, в полк и оттуда прислать следственным органам собственноручно написанные показания вышеуказанных лиц и тем реабилитировать себя перед Советской властью. В случае же отказа в освобождении убедительно прошу оказать содействие в выдаче жене моей причитающегося за март, апрель и май месяцы моего жалования в сумме 3000 рублей, чтобы хоть ей безвинно не голодать, а также возбудить ходатайство об ускорении следствия по нашему делу.

Подпись:

Н. Н. Горчаров»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 186. С. 106-108. Автограф.